

Орден Цзюньшань раскинулся на самом пике поднебесных круч. Меж исполинскими вершинами на тысячи ли тянулись парящие мосты, уходящие в клубящийся туман. Здесь, окутанное вечной дымкой чистейшей духовной энергии, лежало идеальное пристанище для самосовершенствования.

Цзюньшань горделиво именовал себя оплотом праведности, а его adeпты славились как непревзойдённые борцы с нечистью и демонами. В народе об этом месте грезил все без исключения. Поговаривали даже, что за право ступить за ворота Цзюньшаня не жаль отдать и горы чистого золота.

Нынешний глава ордена, услышав эту поговорку, помнится, пришёл в неистовую ярость. Как смеет чернь мерить звонкой монетой деяния тех, кто посвятил жизнь закалке духа и благородному заступничеству?

Прямо сейчас Лань Чжэньтянь, великий глава Цзюньшаня, восседал на возвышении в Зале Зависти к Благородному Мужу. Разменявший шестой десяток, он являл собой образец непреклонной праведности. Впрочем, благодаря безупречной культивации выглядел он едва ли на тридцать лет. Ладонь его неизменно покоилась на Посохе Небесного Покрова.

Орден Цзюньшань всегда славился своей сдержанной, но величественной роскошью: убранство Дворца Сяньцзюнь слепило глаза искусной позолотой, поражая гостей монументальным великолепием.

С тех пор как Гэ Хуань очнулся в этом книжном мире, ему ещё не доводилось видеть ничего подобного. С самого порога он уставился по сторонам, не в силах сдержать любопытства.

Дорого, изысканно, величественно и со вкусом.

Орден Цзюньшань действительно оправдывал свою славу. По пути сюда Гэ Хуань то и дело наткался на причудливые скалы и древние узловатые деревья. Дорога вела через подвесные мосты, перекинутые над бездонными пропастями от пика к пику. Ступая по ним, человек чувствовал себя парящим в облаках небожителем; один лишь взгляд на расстилающийся внизу мир заставлял душу трепетать от восторга.

Лань Чжэньтянь, очевидно, ждал уже давно. Стоило Цзисин-цзы переступить порог, как глава ордена помрачнел от гнева.

— Поздняя Звезда, почему тебя не было вчера на Совете Четырёх Почтенных?

Совет Четырёх Почтенных проходил каждый месяц под председательством главы ордена. В нём участвовали четверо великих старейшин: Почтенный Поздняя Звезда, Почтенный Утренний

Свет, Почтенный Пять Духов и Почтенный Глава Шаманов. В оригинальном романе подчёркивалось, что этот совет имел важнейшее значение — в обычное время старейшины почти не пересекались, и только эти встречи удерживали их от полного отчуждения. И Цзисин-цзы пропустил столь важное событие. Неужели ради него, Гэ Хуаня?

«Ничего себе щедрость... Пожертвовать своей репутацией ради того, чтобы заманить меня в свои сети? Поистине, решил отдать лису, дабы выловить волка».

Цзисин-цзы прошёл на середину зала и ровным, безразличным тоном произнёс:

— Возникли неотложные дела, о которых я не успел доложить заранее. Моё упущение.

— Из-за него? — Лань Чжэньтянь грозно нахмурил брови и ожёг ледяным, испытующим взглядом стоявшего рядом с Цзисин-цзы юношу.

Почувствовав на себе мимолётный взгляд наставника, Гэ Хуань мгновенно всё понял. Правда, в следующую секунду его охватило замешательство: как приветствуют великих мастеров? Упасть на колени или просто уважительно сложить ладони? Раздумывать было некогда, и он решил не рисковать — просто бухнулся на колени.

— Приветствую главу ордена! — выпалил Гэ Хуань, склонив голову. — Ничтожный Гэ Хуань, ученик Почтенного Поздней Звезды.

Цзисин-цзы едва подавил порыв рассмеяться, сохранив на лице маску абсолютного равнодушия. В оригинальной книге его персонаж славился ледяным высокомерием, отчуждённостью и полным безразличием к чувствам окружающих. Что ж, за те долгие месяцы, что он провёл в этом мире, Цзисин-цзы научился играть свою роль безупречно.

Лань Чжэньтянь помрачнел ещё сильнее. Он долго и молча переводил взгляд с одного на другого, отчего в просторном зале мгновенно воцарилась гнетущая тишина.

Впрочем, если честно, Гэ Хуань куда больше боялся собственного наставника, нежели грозного главы. По сюжету романа Лань Чжэньтянь был всего лишь упрямым, застрявшим в догмах стариком. Если не считать его дурацкой привычки лупить всех подряд Ладонью Буры, он оставался вполне приличным человеком — по крайней мере, никогда не скрывал своих истинных чувств.

— Глава ордена, Гэ Хуань — мой ученик, которого я встретил у подножия горы, — нарушил молчание Цзисин-цзы.

— Разве ты не клялся, что никогда не возьмёшь учеников? — Лань Чжэньтянь недовольно прищурился. — Что всё это значит?

«Разве я такое говорил?» — мысленно удивился Цзисин-цзы, пытаясь вспомнить детали.

Впрочем, в романе у Почтенного Поздней Звезды действительно не было иных последователей, кроме Гэ Хуаня. Среди старейшин Цзюньшаня самым популярным оставался Почтенный Утренний Свет — под его началом ходила почти тысяча адептов, отчего бедняга вечно валился с ног от усталости. Почтенный Пять Духов обучала около семисот человек, а у Почтенного Главы Шаманов ютилось скромное воинство из двух-трех сотен учеников.

— Я не зарекался от учеников, — бесстрастно отозвался Цзисин-цзы. — Просто до сего дня не встречал того, с кем меня связала бы судьба.

Эти слова заставили Лань Чжэньтяня изумлённо вскинуть брови. В его душе шевельнулось искреннее любопытство.

— Судьба, говоришь? Что ж, мне крайне интересно взглянуть, какими скрытыми талантами обладает этот избранный.

Глава ордена слишком хорошо знал суровый нрав своего соратника. Почтенный Поздняя Звезда годами упивался одиночеством, сторонился людей и наотрез отказывался обзаводиться последователями. К этому привыкли все, воспринимая его затворничество как данность. И вдруг — вчерашний прогул Совета, а сегодня на пороге появляется этот оборвыш с большой дороги. Неслыханная чертовщина.

Сжимая в руке Посох Небесного Покрова, Лань Чжэньтянь неспешно спустился по каменным ступеням помоста. Гэ Хуань, по-прежнему стоявший на коленях, благоразумно не поднимал головы. Сказать по правде, хвастаться ему было абсолютно нечем — разве что удивительной живучестью и способностью стойко сносить любые побои.

Прошло всего мгновение, и перед ним возник силуэт главы ордена, окутанный тяжелой, удушающей аурой истинной мощи.

— Подними лицо, — раздался сухой приказ.

Гэ Хуань с трудом поборол страх и поднял взгляд. Великий мастер стоял всего в нескольких шагах от него.

— Глава... — начал было юноша.

Но не успел он договорить, как Лань Чжэньтянь резко взмахнул рукой.

Ладонь разрезала воздух с оглушительным свистом. Ослепительная золотая вспышка заставила зажмуриться, сокрушительный удар обрушился на Гэ Хуаня прежде, чем он вообще осознал угрозу. Впрочем, даже будь у него время уклониться — против чудовищной силы

старейшины он оставался бессилён.

Удар Ладони Буры буквально сдул его с места, швырнув через весь огромный зал. Безжалостно.

Гэ Хуань глухо охнул и мешком рухнул у самого порога Дворца Сяньцзюнь. В груди взорвалась дикая боль, в ушах зазвенело так, будто внутри разорвался снаряд, а к горлу подступила тошнота. С подбородка на каменные плиты закапала тёмная кровь.

«Твари бездушные! — мысленно исходил ядом Гэ Хуань, безуспешно пытаясь вздохнуть. — Ублюдки, возомнили себя богами только потому, что у них культивация выше! Погодите у меня... Вот когда я пройду черту и стану истинным злодеем, скормлю вас всех бродячим псам!»

Он несколько раз попытался приподняться на локтях, но конечности не слушались, а тело пронзало такой болью, что он лишь бессильно перекатился на бок. В конце концов Гэ Хуань бросил эти жалкие попытки и просто остался лежать ничком на холодном полу. На глаза навернулись непрошенные слёзы — вовсе не от слабости духа, а от этой парализующей боли.

Лань Чжэньтянь брезгливо отряхнул ладони и холодно бросил:

— Никчёмный мусор.

Гэ Хуаню оставалось лишь молча скрипеть зубами.

— Глава ордена, раз уж испытание завершено, мы покинем вас, — безучастно проговорил Цзисин-цзы.

Лань Чжэньтянь недовольно нахмурился:

— Да таких ничтожеств на любой дороге пруд пруди. Сделав его своим преемником, ты лишь опозоришь наш орден. Он же ходячее посмешище.

«Сам ты посмешище, старый хрыч», — мрачно подумал Гэ Хуань, продолжая разглядывать узоры на полу.

Лицо Цзисин-цзы оставалось ледяным, но в его негромком голосе отчётливо зазвучали металлические нотки:

— Мой ученик не нуждается в чужих оценках. Прошу главу ордена выбирать выражения.

Лань Чжэньтянь от ярости резко взмахнул широким рукавом:

— Хор-рошо! Посмотрим, как ты запоёшь, когда придёт время Собрания Героев!

С этими словами он стремительно зашагал прочь, на ходу одарив распластанного у дверей Гэ Хуаня полным презрения взглядом.

Гэ Хуань лежал с закрытыми глазами, не имея сил даже на мысленную брань. К его удивлению, бушующий в меридианах хаос начал понемногу утихать, уступая место ровному течению духовной энергии.

Размышляя о словах старейшины, он вспомнил детали о Собрании Героев. По сути, это было ежегодное состязание, определявшее табель о рангах среди учеников Цзюньшаня. Те, кто умудрялся пробиться в первую сотню, получали почётное право войти в Низину Перевернутой Чаши, чтобы выбрать себе достойное оружие и получить доступ к тайным техникам ордена. Первая же пятидесятка лучших награждалась званием старших учеников Цзюньшаня — а это, на минуточку, давало колоссальную власть: выше них стояли лишь старейшины и глава. Естественно, эти выскочки пользовались своим положением на полную катушку. В оригинальной книге бедному главному герою знатно доставалось от этих высокомерных ублюдков.

С другой стороны, худшую сотню адептов безжалостно вышвыривали из ордена, поэтому борьба за выживание здесь шла не на жизнь, а на смерть. Главный герой романа из кожи вон лез, лишь бы не оказаться в числе изгоев и не лишиться крыши над головой.

«Так, если прикинуть... Собрание Героев назначено на конец года, значит, у меня в запасе есть около шести месяцев», — подсчитал в уме Гэ Хуань. Времени на подготовку должно было хватить с лихвой.

Убедившись, что Лань Чжэньтянь ушёл, Цзисин-цзы подошёл к распластанному юноше. Задержав на нём взгляд, он после недолгого молчания безучастно обронил:

— Эффект Ладони Буры рассеется примерно через час. Так что полежи пока здесь.

Гэ Хуань мысленно выпал в осадок.

Рядом с его ладонью тихонько звякнул какой-то мелкий предмет. Когда Гэ Хуань с трудом разомкнул веки, след наставника уже простыл.

На душу навалилась глухая тоска. Его первый день в ордене Цзюньшань, а с ним обращаются хуже, чем с собакой! В оригинальной истории герою хотя бы дали немного насладиться спокойной жизнью, а его лимит счастья исчерпался за одни сутки. Единственным утешением оставалось то, что ему не пришлось целый месяц стоять на коленях у ворот.

Гэ Хуань слабо пошевелил пальцами и наткнулся на прохладную поверхность Жетона Барьера

Персикового Цвета.

«Ладно, хоть какая-то совесть у этого негодяя осталась, не до конца ещё растерял человеческий облик», — вздохнул он.

Меж тем в его голове раздался знакомый механический голос:

[Непобедимая Роскошная Верховная Система Трансмиграции в Книгу приветствует вас! Вы успешно вступили в орден Цзюньшань. Начислен бонус: плюс двести очков репутации]

Гэ Хуань мгновенно повеселел. Получить по шее ради такого дела — сущие пустяки! Да он готов хоть каждый день подставляться под удары, лишь бы не до смерти.

«Система, покажи мой текущий баланс», — мысленно запросил он.

[На вашем счету триста пятьдесят очков репутации]

Ему нужно во что бы то ни стало накопить тысячу очков. Тогда он сможет переписать этот проклятый сюжет и прекратить свои бесконечные мучения.

Тем временем в сознании Цзисин-цзы тоже зазвонил колокольчик:

[Внимание! Из-за ваших несанкционированных действий главный герой избежал месячного наказания на коленях. Сюжетная линия подверглась сокращению. Штраф: минус триста очков репутации]

Цзисин-цзы мысленно выругался.

«И сколько у меня осталось?» — мрачно спросил он.

[Ваш текущий баланс составляет пятьдесят очков. Пожалуйста, проявите усердие и не сдавайтесь!]

«Какое усердие? Может, дашь хоть какую-то подсказку?»

Цзисин-цзы уже едва сдерживал раздражение. С такими темпами его баланс уйдёт в глубокий минус, и он застрянет в этом мире навечно.

[Вам необходимо восполнить упущенные элементы оригинального сюжета]

Пока наставник решал свои проблемы, Гэ Хуань устроился поудобнее прямо на плитах, решив вздремнуть, как вдруг снаружи донеслись приближающиеся шаги.

— Почтенный Поздняя Звезда сказал, что у входа в Дворец Сяньцзюнь валяется какой-то хлам, — раздался молодой голос. — Это он, что ли?

Гэ Хуань мысленно закатил глаза.

— Похоже, он, — отозвался второй. — Тащи его отсюда, нечего портить вид парадного входа.

— Ладно, хватай за ноги.

Прежде чем Гэ Хуань успел хоть что-то возразить, его бесцеремонно взвалили на плечи и потащили прочь.

— Эй, уважаемые, — слабо подал голос Гэ Хуань, — мы куда направляемся?

— На Гору Возвращения.

Гэ Хуань уныло вздохнул. Он отлично знал это место — личную обитель Цзисин-цзы. Путь туда предстоял неблизкий.

Гора Возвращения разительно отличалась от остальных пиков ордена. Её склоны круглый год утопали в цветущих персиковых деревьях, однако любоваться этой красотой никто не смел — Почтенный Поздняя Звезда ревностно оберегал свои владения от чужих глаз. Единолично захватить такую огромную гору и никого туда не пускать — верх эгоизма и самоуправства.

В глазах обычных адептов Цзисин-цзы оставался таинственным, великим и безупречным бессмертным, от одной ауры которого веяло могильным холодом. Но для Гэ Хуаня он был лишь коварным, двуличным злодеем, готовым пойти на любую подлость ради достижения своих скрытых целей.

— Слушай, парень, — подал голос один из несущих его учеников, — тебе нереально подфартило. Попасть на Гору Возвращения — это же предел мечтаний.

Гэ Хуань лишь презрительно хмыкнул:

— Вообще-то, я его личный ученик.

Несущий его юноша сочувственно вздохнул:

— Эх, бедолага... Видно, Ладонь Буры начисто отбила ему мозги. Жаль парня.

— Да уж, удар нашего главы — штука страшная, — поддакнул второй. — Я сам после него три дня встать не мог, думал, концы отдам.

— Да не переживай ты так, приятель, — подбодрил третий. — Сила удара иссякнет через час, поправишься.

— Главное — живой остался! Подлечишься, наберёшься опыта и попробуешь пройти отбор в следующем году.

Гэ Хуань лишь молча уткнулся носом в чью-то спину, не желая продолжать этот бессмысленный разговор.

На границе защитного барьера Горы Возвращения ученики наконец опустили его на землю. К этому моменту боль действительно утихла, и Гэ Хуань смог самостоятельно подняться на ноги.

— Спасибо, парни, — кивнул он.

— Да ладно, не за что. Нам пора.

Троица с опаской покосилась на переливающиеся узоры барьера и поспешила скрыться из виду, не желая испытывать терпение хозяина горы.

Гэ Хуань заворожённо уставился перед собой. Защитный контур выглядел невероятно красиво: мириады светящихся персиковых лепестков сплетались в единую переливающуюся сеть, по которой то и дело пробегали волны мягкого света. Казалось кощунством даже приближаться к этому чуду. Гэ Хуань достал из широкого рукава Жетон Барьера Персикового Цвета и протянул его вперёд на раскрытой ладони.

Один из лепестков на жетоне сорвался с места и устремился к барьеру, плавно сливаясь с защитной сетью. Преграда мгновенно зарябила яркими искрами и медленно растаяла, открывая проход.

Стоило Гэ Хуаню сделать шаг внутрь, как у него перехватило дыхание. Перед ним раскинулся настоящий сказочный оазис. Бескрайний персиковый сад колыбался под лёгким ветром, словно нежно-розовое море. Каждый клочок земли был усыпан лепестками, стирая границу между небом и землей, окрашивая весь мир в пастельные тона. От этой неземной красоты кружилась голова. Гэ Хуань ступал невероятно осторожно, боясь неосторожным движением потревожить этот хрупкий покой.

— Иди сюда, — раздался холодный, резкий голос, начисто разрушивший очарование момента.

Гэ Хуань повернул голову на звук. Там, в самой гуще цветущих ветвей, виднелся силуэт. Белоснежные одежды наставника плавно колыхались на ветру, контрастируя с нежно-розовым морем лепестков и придавая его фигуре сходство со спустившимся на землю небесным владыкой.

<http://bllate.org/book/19556/2029029>